

ПОИСК И

Издательство «Молодая гвардия» в XVIII съезде ВЛКСМ готовит сборник очерков «Имена Ленинского комсомола». В этой книге собраны материалы о комсомольских организационных предприятиях, утвержденных, учебных заведениях, которым присвоено звание имени — Ленинского комсомола. Сегодня мы предлагаем читателям отрывок из очерка Л. Семина о Московском ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени театре имени Ленинского комсомола.

НАК-ТО в биседе одна из ведущих актрис театра, лауреат премии Ленинского комсомола Инна Чурикова комментирует:

— Сегодня все актеры — талантливы. Сегодня спрос на актера в идеализме.

Подразумевалось, что современный зритель требует от театра не только превосходной игры, но прежде всего — новой мысли, нового взгляда на знакомые явления. Есть пьесы, где один эмоция и страсти — мало, особенно, когда в репертуаре классика. Теоретическая удача сопутствует тому, кто готов предложить зрителю новый образ, новое, свое прочтение его. Вот почему, например, ношки Савы Абдулова умчат в течение трех часов держать зрителя в своей полной власти, в сильном эмоциональном напряжении.

В 1976 году, после постановки «Гамлета» на сцене Ленкома режиссером Андреем Тарковским, было много споров по поводу прочтения образа Офелии,

режиссера театра, поражает своей абсолютной непохожестью на чеховский спектакль. Аналогично возникают споры о гоголевском «Ревизоре». Театральная критика еще в шестидесятые годы отмечала стремление Захарова продолжить майяковский традицию с ее активным отношением к классическому тексту, склонностью к сценической метафоре и публицистике. Характерен в этом смысле брежневский спектакль «Карьера Артура Уэя», поставленный С. Юткевичем и М. Захаровым в студенческом театре МГУ в духе политического кабарета, насыщенного аттракционами. Как будто вернулся на сцену витатический трамвайский стиль. И во многих спектаклях современного Ленкома завершенно ощущается эта пареллическая игра. Ударно-аттракционный стиль, обогащенный содержанием нового уровня, помогает режиссеру создать необычные, эффектные образы.

НА СНИМКЕ: народная артистка СССР Е. А. Фадеева (в центре) с молодыми актерами театра (слева направо) В. Проскуриным, Л. Лисовой, Ю. Зайцевым, Т. Дербеневой, С. Богачевым.

сыгранной Инной Чуриковой. То, что режиссер и актриса предложили, в самом деле было необычно. Кто бы мог подумать, что Офелия — практичная девушка из породы мелких хищников? Именно мелких, потому она и сходит с ума. Хищники по-прежнему выжидают, здравствуют и передают свой опыт потомству, девочкам-офелиям и мальчишкам-лардам.

И вот уже ходит по сцене расчелливая, злится, искусственная Офелия, которой известны тайны граза не только тела, но и духа: как расставить силки на Гамлета, заплести сети интриг у трона, как заманить в ловушку будущего короля. Она послушна отцу, но не по наивности, а как сообщница. Она любезна с Гамлетом, но не каприз романтичности в этом нет: любовное письмо от него — лишь ценный документ, письменное подтверждение ее права на наследники престола. Она алкает и рыдает в истерике после объяснения с Гамлетом, но не потому, что он отверг ее чувства или даже расправился с ней — нет, ее угнетает беспомощность, бессилие что-либо изменить. Офелия не переносит поражения. Злобно отплакавшись на плечи отца, она готова вновь вступить в игру.

И тут... О, ужас! Играть больше не с кем. Партнеры исчезают: один в изгнании, другой убит. Нет игры, нет смысла жить. В монастырь! Смириться! Ну, нет, лучше — в безмолвие, где можно можно действовать и надеяться партнеров для игры. Сойдя с ума, она в воображении свободно восходит на трон и раздает ложе с королям. Сойдя с ума, Офелия больше не мечтает грешить за предательство — она готова вновь вступить в игру.

— На знаю, видел ли мир такую Офелию. Но знаю таких расчелливых и резонансных в реальной жизни, рядом с собой.

Инну Чурикову и Андрея Тарковского упрекали за такую трактовку роли. Но в чем их нельзя упрекнуть — так это в банальности решения, в обязательном подходе к своей работе, в безжалостной честности к классическим канонам.

Показать чудного нам по духу человека таким сложным, не скрывающего его силы — трудная задача. Куда проще было бы выразить все в один — черный цвет. Но куда правдивее и, следовательно, убедительнее — рассказать, каков он на самом деле и в чем его главная слабость. Сегодня это для нас истина, но когда-то ее приходилось утверждать. И утверждения достигались только мастерством и смелостью писателя. Так же, как сегодня, в поиске утверждаются новые истины.

«Иванова» в постановке Марка Захарова, главного

комсомольского поколения, которая и составляет суть поиска их отношений. Недаром наша премьера «Мои Надежды» М. Шарова — именно об этом. Примечательно, что главную роль там сыграла выпускница Школы-студии МХАТ Светлана Крачевская. Мы всегда делаем ставку на молодежь, вот почему смело даем молодым и центральные роли, уже хорошо известные зрителю. Проскурня, Шанин, Абдулов получили их, хотя работают у нас всего два-три сезона.

— Марк Анатольевич, а последние время репертуар театра активно по-

Принимая театр предлагает своему молодому зрителю отнюдь не хрестоматийные пьесы: «Гамлет», «Тиль», «Иванова» — это были чрезвычайно сложные пьесы как для актерского коллектива, так и для зрителя. Чем это объяснить?

— Наш молодой зритель доказал, что он не так прост, как нам казалось. Он хорошо принимает «Колосово», спектакль о педагоге Макаренке, но и ассоциативная стилистика «Хованщина» Муреты оказывается вполне понятной ему. Вот почему нас не пугает сложность великих драматургов. Актерский состав тоже достаточно силен: могу назвать Гнатюкову, Фадееву, Пельтцер, Леснову, Чурикову, Орлову. Мы часто приглашаем режиссеров со стороны. «Гамлет» ставил Андрей Тарковский. Считаю, что актеру полезно познакомиться с разными системами режиссуры.

Почему классика? Обращение к ней для всякого интеллигентного человека, будь он ученым или сталеваром, так же необходимо, как чистый воздух для дыхания. Мы же, включая в репертуар пьесы разного плана, преследуем, в частности, и такую цель, как утверждение принципа современного санитетического искусства. Артист должен прекрасно владеть не только русской театральной школой (любовь и психологическая драма, интерес к внутреннему миру человека), но техникой его должна обогащаться и музыкальным мышлением, пластикой, многими другими компонентами. Скажем, в спектакле «Звезда и смерть Коллонтай» Муреты преобладают музыкальные начала, стиль актерской игры там отличается от бытовой драмы. Сегодняшний репертуар во многом протестует напомним, им, амплитуду которых мы стараемся максимизировать. Держим искать новые театральные формы, чтобы не подламываться под телевидение и кино, чтобы иметь собственное лицо — вот наша цель.

— Любопытно узнать, каковы ваши любимые спектакли?

— Их два: «В списках не значился» и «Тиль». Цель первого спектакля я видел в том, чтобы, рассказав о Плужникове, показать, как складывается история народа, чтобы оставить след в умах и сердцах тех, кто сидит в зале. История простого советского парня, который вынес основную тяжесть войны, приобретает необычайную убедительность, когда он делает то, что сделал бы на его месте и зрители, когда он провозносит те же самые слова, какие каждый из нас произнес бы в аналогичной ситуации. Это происходит еще и потому, что наша версия героизма — это превращение простого, обыкновенного человека в советского и стойкого борца.

«Тиль» дорог мне другим: в нем мы нашли такие способы воздействия на зрительный вал, что в активное восприятие были втянуты практически все зрители, и восторженные отзывы. Я переживаю перед теми показаниями искусства, которые исполнены на высочайшем уровне профессионализма, настолько утопичным, что забыть их по достоинству могут только профессионалы. Но гораздо выше я ставлю все-таки те произведения, которые заставляют переживать и думать буквально зрителя. Театр и кино не могут быть такими — направляющими и небыть. Особенно наш, советский театр, основная функция которого — воспитывать, привлекать, убеждать.

— Марк Анатольевич, а как вы относитесь к премьерам?

— Они приятны: дополнительный волнение.

Л. СЕМИНА.

В «Иванове» мы видим хоросод уездного обывательства, с его вечными пересудами и вечными предвзвешиваниями этих пересудов. Спектакль монтируется почти по законам кино: незаконченная мизансцена «прокручивается» назад и начинается сначала из толпы то тут, то там возникает портретно-крупное пламя и затем снова сливается с прочими. Возникает движение с конвейера, который транслирует модные идеи, настроения, взгляды. Еще жива Сара, жена Иванова, а уже показались на конвейере ее копии — Шурочка, правда, уже без той художественной мины, какой присуща эталону. Как тут не баять, хотя бы в небытие, из этого мира повторений! — дает выход зритель и понимает, почему настроился Иванов.

Непривычное, новаторское прочтение классики всегда довольно рискованно. И если зритель принимает нового Шекспира или нового Чехова, значит, ему, активно мыслящему, театр дает пищу для размышлений о дне сегодняшнем.

О новых премьерках — режиссером с главным режиссером театра М. Захаровым.

Марк Захаров пришел в Театр Ленинского комсомола в 1972 году. Первый его постановкой стал «Автоград-XXI», спектакль необычайный. Для театра «Автоград» стал событием по многим причинам. Пьеса — почти документальная, герой — самые молодые, стронгиде ударной комсомольской стройки, спектакль — музыкальный, декламационный, динамичный, по форме резко отличающийся от предыдущих работ театра. Но главное, пожалуй, в том, что Захаров утвердил этим спектаклем в новом стиле театра, стиль — нем образный взгляд на мир и своеобразное толкование этого мира.

Захаров говорит не торжественно, слова его просты, без всякой раскраски. За безличностью проступает определенность программы театра, которую он сейчас излагает:

— Стаившие личности — вот главная тема театра. Анализ этого процесса посвящен большому количеству работ, и в этом смысле фламандец Уолленштейн и советский парень Плужников — братья. Чрезвычайно важна, на наш взгляд, и потому провоздиг красной нитью через все спектакли тема дремлющей молодежи. В двадцать лет отхождение от старших всегда проблематично, и, обдумывая их на сцене, мы стараемся показать молодым ту глубокую идейную